

*Салли, без чьей поддержки
я не смог бы осуществить задуманное*

Я хотел бы выразить признательность людям, которые помогли мне собрать материал для этой книги: доктору медицины У. Б. Макдональду, доктору медицины Джеймсу Р. Флетчеру, комендор-сержанту Морской пехоты США Ларри Року, капитану Морской полиции США Полу Т. Тейлору; сержанту полиции Уильяму Ладлоу, Раду Флореску и Рэймонду Т. Макнелли за то, что хранят легенды, а также Майку и Элизабет.

Р. М.

Было за полночь в Топанге,
И сказал диджей:
«Полнолуние сегодня.
Кто со мной в Эл-Эй?»

Уоррен Зивон

Я убью за любовь.
Я убью за любовь.
Господом Богом поклясться готов,
Я убью за любовь.

Рори Блэк

Тени скачут по стене,
Полоса за полосой,
И сливаются в густой
Безысходности теней.

Огастес Джулиан Рекьер

ПРОЛОГ

В пламени печи плясали демоны.

Они кружились, извивались и плевались в глаза мальчику, который сидел у самого огня, машинально подогнув под себя ноги, как обычно делают очень гибкие дети. Он подпер руками подбородок и молча смотрел, как языки пламени сходятся, сливаются и распадаются на части, с шипением раскрывая свои тайны. Мальчику всего шесть дней назад исполнилось девять лет, но, поскольку отец еще не пришел домой, он ощущал себя совсем взрослым, а огненные демоны смеялись над ним.

— Останешься за старшего до моего возвращения, — сказал отец, наматывая веревку на свою медвежью лапу. — Позаботься о матери и о том, чтобы все было в порядке, пока мы с твоим дядей будем далеко. Ты меня понял?

— Да, папа.

— Приноси ей дрова, когда она попросит, и аккуратно складывай у стены, чтобы просохли. И вообще делай все, что она скажет, хорошо?

— Сделаю.

Мальчик все еще видел морщинистое, обветренное лицо отца, нависшее над ним, чувствовал твердокаменную руку на своем плече. Тяжелая отцовская хватка словно бы передавала его безмолвный наказ: «Я иду на серьезное дело, сынок. Не обольщайся насчет этого. Присматривай за матерью и сам будь осторожен».

Уверившись, что мальчик все правильно понял, отец удовлетворенно кивнул.

Следующим утром мальчик сидел у кухонного окна и смотрел, как дядя Йозеф запрягает двух сивых коней в семейный

фургон. Родители отошли в дальний конец комнаты, к запертой на засов двери. Отец надел шерстяную шапку и тяжелый овчинный полушубок, которую жена сшила ему на Рождество много лет назад. Потом забросил на плечо моток веревки. Мальчик уныло ковырялся в миске с мясным бульоном и прислушивался к разговору родителей, хотя и понимал, что они нарочно говорят шепотом, чтобы он ничего не услышал. А даже если и услышит, то все равно ничего не разберет.

«Так нечестно, — подумал он, запуская пальцы в бульон и выуживая оттуда кусок говядины. — Раз уж я остаюсь за старшего, то должен знать и все тайны».

Внезапно мама перестала следить за своим голосом.

— Прошу тебя, пусть этим займется кто-то другой!

Но отец приподнял ее подбородок и посмотрел в серые, как то утро, глаза.

— Я должен все сделать сам, — сказал он, и вид у мамы стал такой, как будто она очень хотела заплакать, но никак не получалось.

Все свои слезы она выплакала прошлой ночью, лежа на пуховой перине в соседней комнате. Мальчик всю ночь напролет слушал ее рыдания. Эти тяжкие часы словно разбили его сердце; и сколько бы времени ни прошло по другую сторону сумерек, его уже не излечишь.

— Нет, нет, нет, — повторяла мама опять и опять, как будто это было волшебное слово, которое не позволит отцу выйти на залитый солнцем заснеженный двор, как будто оно могло превратить деревянную дверь в каменную стену, способную удерживать отца внутри дома, а все его тайны — снаружи.

Когда мама затихла, отец взял двустволку с ружейной стойки у двери. Открыл казенник, зарядил оба ствола и аккуратно поставил ружье на место. Потом обнял маму, поцеловал и сказал:

— Я люблю тебя.

Мама прильнула к нему, словно вторая кожа, но тут дядя Йозеф постучал в дверь и крикнул:

— Все готово, Эмиль! Пора ехать!

Отец на мгновение задержал маму в объятиях, потом взял купленную в Будапеште винтовку и открыл дверь. Он остановился на пороге, и снежинки запорхали вокруг него.

— Андре! — позвал он мальчика, и тот вскинул голову. — Побойсь о матери и проследи, чтобы дверь всегда была заперта на засов. Ты меня понял?

— Да, папа.

Уже в дверях, стоя на фоне выцветшего неба и багряных зубцов далеких гор, отец бросил взгляд на жену и тихо произнес всего три слова. Почти неразличимых, но мальчик сумел уловить их, и сердце его забилось от смутного беспокойства.

— Отслеживай мою тень, — сказал отец.

Он вышел из дома, и ноябрьский ветер занял его место. Мама стояла на пороге, ее волосы засыпало снегом, отчего она словно бы старела с каждой минутой. Она не отрывала глаз от фургона, а двое мужчин гнали коней по мощеной дороге, торопясь встретиться с остальными. Стояла долго, с изможденным лицом на фоне обманчиво-белой чистоты мира за дверью. Когда громящий фургон скрылся из виду, она вернулась в дом и заперла дверь на засов. Подняла глаза на сына и проговорила с улыбкой, больше похожей на гримасу боли:

— А теперь садись за уроки.

Прошло три дня после отъезда отца. И вот теперь демоны со смехом плясали в огне, а в доме поселилось какое-то ужасное, неосязаемое существо. Оно то занимало пустующий стул возле печи, то усаживалось между мальчиком и женщиной за ужином, преследуя их повсюду, словно туча черного пепла, поднятого странствующим ветром.

В углах обеих комнат становилось все холодней, запас дров постепенно уменьшался, и было заметно, как призрачный туман вырывается из ноздрей матери при каждом выдохе.

— Я возьму топор и наколю дров, — сказал мальчик, поднимаясь со стула.

— Нет!

Мать мгновенно вскинула голову, их серые глаза встретились и не расходились несколько секунд.

— Переночуем с тем, что у нас есть. Сейчас слишком темно, подожди, пока рассветет.

— Но этого же не хватит...

— Я сказала: «Подожди до утра!»

Она почти сразу отвела взгляд, как будто устыдившись чего-то. В отблесках пламени сверкали вязальные спицы, а из-под

них постепенно появлялся свитер для мальчика. Он сел на место и увидел ружье в дальнем углу комнаты. Двустволка тускло светилась красным огнем, словно чей-то глаз в темноте. Вдруг огонь вспыхнул, взвился и затрещал, поднявшийся пепел закрутился в дымоходе и вылетел наружу. Жар волнами окатывал скулы и переносицу мальчика, а его мать качалась в кресле у него за спиной, время от времени поглядывая на профиль своего сына.

Причудливые картины сплетались в пламени, образуя живую фреску: мальчик увидел черную повозку, которую везли две белые лошади с траурными плюмажами, увидел облака пара от их дыхания. В повозке лежал незатейливый маленький гроб. Следом шли мужчины и женщины в черной одежде, кого-то сотрясали рыдания, кто-то всхлипывал. Сапоги хрустели по снегу. Приглушенные звуки. Печать тайны на лицах. Пугливо-прищуренные взгляды в сторону багряно-серой горы Джегер. В этом гробу лежал маленький Гриска, и траурная процессия везла то, что от него осталось, на кладбище, где уже поджидал лелкес¹.

Смерть. Она всегда казалась мальчику чем-то холодным, чуждым и далеким, не принадлежавшим ни его миру, ни миру отца с матерью, а скорее тому, в котором жила бабушка Эльза, когда стала совсем больной, с пожелтевшей кожей. Тогда отец и произнес это слово: «Умирает». В ее комнате нужно было вести себя тихо, потому что она не могла больше петь тебе и хотела теперь только одного — спать. Смерть казалась мальчику временем, когда умолкают все песни и ты счастлив только тогда, когда закрываешь глаза. И вот теперь он смотрел на ту похоронную повозку в своей памяти до тех пор, пока не просело полено и язычок пламени не появился в другом месте. Мальчик вспомнил, как перешептывались одетые во все черное жители Крайека: «Какой ужас! Всего восемь лет. Бог забрал его».

Бог? Остается только молиться и надеяться, что Ивона Гриску и в самом деле забрал Бог.

Мальчик продолжал вспоминать. Он видел, как гроб опускали на веревках в темный квадрат в земле, а лелкес читал мо-

¹ *Лелкес* — священник (венг.).

литвы и помахивал распятием. Крышку гроба заколотили гвоздями и обмотали колючей проволокой. Перед тем как могилу засыпали землей, лелкес перекрестился и бросил туда свое распятие. Это случилось неделю назад, до того как потерялась вдова Янош, до того как семья Шандор исчезла снежной воскресной ночью, оставив все свое имущество, до того как Иоганн-отшельник рассказал, что видел обнаженных людей, танцующих на открытой всем ветрам вершине Джебегер с огромными волками, что охраняют эту населенную призраками гору. Вскоре после этого Иоганн тоже пропал вместе со своей собакой Видой. Мальчик вспомнил суровое лицо отца, искры глубокой тайны в его глазах. Однажды он слышал, как отец сказал маме: «Они снова зашевелились».

В печи со вздохом осели поленья. Мальчик моргнул и отодвинулся подальше. Спицы в руках матери замерли, она наклонила голову в сторону двери и прислушалась. Ветер ревел, принося с собой снег со склонов горы. Утром нужно будет сильно постараться, чтобы дверь открылась и твердый наст разлетелся вдребезги, словно стекло.

«Папа уже должен был вернуться, — подумал мальчик. — На улице такой холод, такой холод. Конечно же, папа не мог задержаться так надолго».

Казалось, тайны окружали со всех сторон. Только вчера ночью кто-то пришел на кладбище Крайека и раскопал двенадцать могил. Включая ту, в которой лежал Ивон Гриска. Гробов так и не нашли, но ходили слухи, будто бы лелкес разыскал в снегу кости и черепа.

Кто-то постучал в дверь, словно молот ударил по наковальне. Раз, потом еще. Мама вскочила со стула и обернулась.

— Папа! — радостно закричал мальчик.

Он вскочил, тут же забыв об огненном лице в пламени печи, и бросился к двери, но мать ухватила его за плечо.

— Тш-ш-ш! — прошептала она, и они вместе замерли в ожидании, а тени их расплылись по всей дальней стене.

Снова стук в дверь — тяжелый, как свинец. Ветер завывал совсем как мать Ивона Гриски, когда заколоченный гроб ее сына опускали в промерзшую землю.

— Открывайте скорее! — сказал папа. — Я совсем замерз!

— Слава богу! — воскликнула мама. — О, слава богу!

Она подбежала, отперла засов и распахнула дверь. Снег лавиной налетел на нее, искажая очертания глаз, носа и рта. Сгорбленная фигура отца в полушубке и шерстяной шапке шагнула в тусклый свет печи, на его бровях и в бороде сверкали бриллианты льда. Он обхватил маму ручищами, и она едва не утонула в его объятиях. Мальчик тоже бросился к нему, радуясь возвращению отца, потому что быть старшим оказалось труднее, чем он думал. Отец провел ладонью по волосам мальчика и крепко хлопнул по плечу.

— Слава богу, ты дома! — сказала мама, повиснув на нем. — С этим покончено?

— Да, покончено, — ответил отец, развернулся и закрыл дверь на засов.

— Иди сюда, ближе к огню. Боже милосердный, какие холодные у тебя руки! Снимай шубу, пока не промерз до смерти.

Она взяла полушубок, потом шапку. Отец подошел к печи и протянул руки к огню, пытаясь согреться. Пламя отражалось в его глазах рубиновыми искрами. Когда он проходил мимо сына, мальчик сморщил нос. Станный запах принес с собой отец. Запах... чего? Трудно сказать.

— Он весь в грязи!

Мама дрожащими руками отряхнула отцовский полушубок и повесила на крючок у двери. Она чувствовала, что слезы облегчения вот-вот хлынут из глаз, но не хотела плакать при сыне.

— В горах лютый холод, — тихо проговорил отец и двинул носком разодранного сапога полено, из-под которого тут же взвился язычок пламени. — Просто лютый.

Мальчик смотрел, как начинает таять ледяная крошка на побелевшем от мороза отцовском лице. Вдруг отец прикрыл глаза, вздрогнул и тяжело вздохнул: «Уф-ф-ф». Потом снова открыл глаза, обернулся к сыну и посмотрел на него:

— Что ты так на меня вылупил, малыш?

— Ничего. Просто так.

Такой странный запах. Что бы это могло быть?

Отец кивнул:

— Подойди ко мне.

Мальчик сделал один шаг и остановился. Ему вспомнились лошади, везущие гроб, и причитания плакальщиц.

— Ну же! Иди сюда, говорю.

Мать в дальнем углу комнаты все еще держала в руках полушубок. Ее улыбка скривилась, как будто она только что получила пощечину от чьей-то вынырнувшей из тени руки.

— Все в порядке? — спросила она, и в голосе ее прозвучала нотка органа из будапештского собора.

— Да, — ответил отец, протягивая руку к сыну. — Все замечательно, потому что я дома, со своей семьей, там, где и должен быть.

Мальчик заметил, как тень коснулась лица матери и как оно мгновенно потемнело. Рот ее приоткрылся, а глаза расширились в озеро, полные недоумения.

Отец взял сына за руку. Кожа на отцовской ладони была твердой, со следами ожогов от веревки. И ужасно холодной. Отец подтянул мальчика ближе. Еще ближе. Пламя огня извивалось, как разворачивающая свои кольца змея.

— Да, — прошептал он, — все в порядке.

Его взгляд остановился на жене.

— Как ты допустила, чтобы в моем доме было так холодно?

— Я... прости меня, — пробормотала она и задрожала, а глаза ее сделались глубокими ямами, полными ужаса.

— Лютый холод, — сказал отец. — Я чувствую, что промерз до костей. А ты, Андре?

Мальчик кивнул, глядя на темное отцовское лицо, выхваченное из тени огнем, и на свое отражение, плавающее в его глазах, более темных, чем прежде. Да, гораздо темнее, словно горные пещеры, и с серебристым налетом по краям. Мальчику пришлось приложить такое усилие, чтобы отвести взгляд, что у него заболела шея. Он задрожал точно так же, как мама. Мальчик и сам не смог бы объяснить, почему его охватил страх. Он только знал, что запах от одежды, кожи и волос отца был точно такой же, как в той комнате, где бабушка Эльза заснула навсегда.

— Мы поступили неправильно, — проворчал отец. — Я, твой дядя Йозеф и другие люди из Крайека. Не стоило нам забираться в горы...

Мама охнула, но мальчик не смог повернуть голову и посмотреть на нее.

— ...потому что мы ошибались. Все мы. Это совсем не то, что мы думали...

Мама заскулила, как попавший в капкан дикий зверь.

— ...понимаешь?

А отец улыбнулся. Теперь он уже стоял спиной к печи, но белизна его лица пробивалась сквозь тени. Рука крепче сжала плечо сына, и мальчик вздрогнул, словно бы северный ветер с ревом пронесся сквозь его душу. Мама вскрикнула, и мальчик хотел оглянуться и посмотреть, что с ней случилось, но он не мог шевельнуться, не мог повернуть голову, не мог даже моргнуть.

— Мой милый, маленький сынок, — с улыбкой произнес отец. — Мой милый, маленький Андре...

И он нагнулся к сыну.

Но в следующий миг его лицо исказилось, а глаза вспыхнули серебром.

— НЕ СМЕЙ! — гаркнул он.

Мальчик вскрикнул и вырвался из отцовской хватки. Он увидел маму с дробовиком в трясущихся руках и раскрытым в отчаянном крике ртом. И как раз в тот момент, когда он подбежал к ней, мама нажала сразу на оба спусковых крючка.

Заряды просвистели над мальчиком и угодили в голову и в горло отцу. Яростно и раскатисто взревев, он отлетел назад и повалился на пол, лицо его скрылось в тени, а сапоги зарылись в красные угли.

Мама выронила ружье, сдавленное рыдание превратилось в приступы безумного смеха. Отдача едва не раздробила ей правое плечо и отбросила к двери так, что из ее глаз хлынули слезы. Мальчик замер с бешено колотящимся сердцем. Густой запах пороха забил его ноздри. Он смотрел на обезумевшую женщину, только что застрелившую его отца, — на ее искаженное лицо, пузырящуюся на губах пену и мечущиеся от одной тени к другой глаза.

И тут с другого конца комнаты послышался долгий, тягучий скрежет.

Мальчик обернулся.

Отец поднимался на ноги. Половина его лица исчезла; подбородок, челюсть и нос свисали белыми, бескровными волокнами. Уцелевшие зубы сверкали в отблесках пламени, а превратившийся в месиво глаз болтался на толстой вене над развороченной дырой на месте бывшей скулы. Пошатываясь, он стоял

на корточках, а его огромные пальцы скрючились, словно когти. Он попытался усмехнуться, и оставшаяся половина рта нелепо изогнулась вверх.

И только в это мгновение мальчик и его мать заметили, что из ран не течет кровь.

— Чудовище! — закричала мама, прижимаясь спиной к двери.

Слово ворвалось в голову мальчика, выдирая крупные куски его сознания, так что он застыл и онемел, словно огородное пугало зимой.

— Чудовище! — повторяла мама. — Чудовище!

— Э, не-е-ет, — прошипело обезображенное лицо, и тварь заковыляла к ней, шевеля когтями в голодном нетерпении. — Не так просто, драгоценная моя супруга...

Она схватила сына за руку и отодвинула дверной засов. Тварь была уже близко, когда завывания ветра и стена снега ворвались в дом. Тварь попятилась, прикрывая ладонью единственный глаз. Мама потащила мальчика за собой в ночь. Снег цеплялся им за ноги, пытаясь остановить.

— Бежать! — пробился сквозь рев ветра крик матери. — Нам нужно бежать!

Они пробивались вперед сквозь резкие, как удары кнута, снежные порывы, и мама так крепко обхватила запястье мальчика, что, казалось, ее пальцы стали одним целым с его костями.

Где-то в ночи закричала женщина, пронзительно и испуганно. Затем мужской голос взмолился о пощаде. На бегу мальчик оглянулся на сбившиеся в кучу дома Крайека, но не смог ничего различить сквозь вьюгу. И все же ему показалось, что к сотне голосов ветра примешивается хор жутких воплей. Прерывистая какофония хохота нарастала и нарастала до тех пор, пока не заглушила призывы к Богу и милосердию. Мальчик мельком разглядел свой дом, скрывающийся вдали. Тусклый красный свет вытекал за порог, словно последний уголек угасающего в печи огня, о котором он так заботился. Неповоротливая полуслепая тварь проковыляла во двор через дверной проем. А потом мальчик услышал яростный рев, вырвавшийся из бескровного, изуродованного горла:

— Я НАЙДУ ВАС!

Мама снова дернула мальчика за руку, и он едва не споткнулся, но она все тащила и тащила его за собой, вынуждая перейти

на бег. Ветер со свистом хлестал их по лицу, и черные волосы мамы уже побелели от снега, как будто она состарилась в считанные минуты или обезумела, подобно какому-нибудь психу из сумасшедшего дома, что принимает свои кошмары за оскалленную тень реальности.

Внезапно из гущи присыпанных снегом сосен показалась чья-то фигура, хрупкая, тонкая и белая, как озерный лед. Ветер трепал длинные волосы и раздувал изъеденные червями лохмотья. Оборванец постоял на заснеженном пригорке, поджидая их, а затем, прежде чем мама успела как следует разглядеть его, заступил им дорогу и с детской улыбкой протянул ладонь, словно бы высеченную из льда.

— Мне холодно, — сказал Ивон Гриска, по-прежнему улыбаясь. — Я ищу дорогу домой.

Мама остановилась, вскрикнула и выбросила руку перед собой. На мгновение мальчик замер под взглядом Ивона Гриски и услышал в своей голове эхо его шепота: «Ты ведь будешь со мной дружить, Андре?» И он едва не ответил: «Да, о да», но тут мама крикнула что-то, что было унесено ветром. Она потянула его за собой, и он оглянулся с холодным сожалением. Ивон уже забыл о них и медленно зашагал по снегу в сторону Крайека.

— Папа! — позвал мальчик, но услышал в ответ лишь отдаленный, насмешливый вой ветра. — Папа!

Его слабый, усталый голос сорвался. Ресницы отяжелели от снега. Но тут мама с трудом поднялась на ноги и снова потащила его за собой, хотя он отбивался и пытался вырваться. Она отчаянно встряхнула его и закричала:

— Он умер! Неужели ты ничего не понял? Нам надо бежать, Андре, бежать, пока хватит сил!

Ледяные дорожки белым кружевом перечертили ее лицо, и мальчик вдруг понял, что мама сошла с ума. Папа тяжело ранен, потому что мама выстрелила в него. Но он не умер, нет. Он там, он ждет.

А затем плену тьмы разорвал слабый огонек. Дым из трубы. Они разглядели занесенную снегом крышу и ринулись на этот свет, насквозь промерзшие, спотыкающиеся. Мама что-то бормотала себе под нос, истерически смеялась и подгоняла маль-

чика. Он боролся с костлявыми пальцами холода, сжимавшими горло.

«Ложись, — шептал ветер ему в затылок. — Остановись и усни прямо здесь. Эта женщина сделала плохо твоему папе, и тебе тоже может. Ложись прямо здесь и согрейся немного, а утром папа придет за тобой. Да, малыш, спи и забудь обо всем».

Потрепанная непогодой вывеска дико скрипела, раскачиваясь туда-сюда над тяжелой дверью. Мальчик разобрал слабые следы слов: «ТРАКТИР „ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ“». Мама бешено заколотила в дверь, в то же время встряхивая мальчика, чтобы он не заснул.

— Впустите нас, пожалуйста, впустите! — кричала она, продолжая стучать по дереву онемевшим кулаком.

Мальчик споткнулся и завалился на нее, свесив голову набок.

Дверь распахнулась рывком, и к ним потянулись длинноручные тени. Колени мальчика подогнулись, и он услышал, как закричала мама, когда холод — запретным прикосновением любящего чужака — нежно поцеловал его перед сном.

КОТЕЛ

Пятница, 25 октября

I

Усеянная звездами ночь, черная, как асфальт шоссе, который пузырился, как варево в котле под полуденным солнцем, теперь густо покрывала длинный сухой участок трассы Техас-285 между Форт-Стоктоном и Пекосом. Тьма, плотная и неподвижная, словно глаз бури, зажатая между убийственной жарой сумерек и рассветом. Плоская, как сковорода, земля по обеим сторонам трассы заросла колючим кустарником и свечевыми кактусами. Под брошенными корпусами старых автомобилей, которые солнце и внезапные песчаные бури обвели до металла, укрывались свернувшиеся кольцами гремучие змеи, все еще чувствующие ужасные следы укусов солнца.

Возле одного из таких остовов — ржавого и искореженного, с разбитым ветровым стеклом и дырой на месте двигателя, унесенного каким-то умельцем-оптимистом, — обнюхивал землю в поисках воды заяц. Почувяв скрытую глубоко в земле прохладу, он принялся копать передними лапами, но через мгновение остановился, и нос его дернулся в сторону днища машины. Зверек напрягся, уловив змеиный запах. Из темноты донеслось тонкое дребезжание, и заяц отскочил назад. Ничего не произошло. Инстинкт подсказывал зайцу, что внизу скрыто гнездо, и писк змеиных детенышей привлечет охотящуюся где-то мать. Вынюхивая змеиный след, заяц отбегал все дальше от машины в сторону шоссе, и только песок шуршал под его лапами. Он уже добрался до середины дороги, возвращаясь в свою нору к зайчатам, когда внезапная дрожь под лапами заставила его замереть на месте. Заяц повернул голову к югу, длинные уши вздернулись, ловя отдаленный шум.

Сверкающий белый шар медленно восходил над дорогой. Зверек заворуженно смотрел на него. Заяц не раз наблюдал,

стоя над своей норой, как эта белая штуковина парит в небе, иногда она казалась больше, чем сейчас, иногда — желтее, иногда ее вообще не было, порой из нее торчали усики и она оставляла в воздухе дразнящий запах дождя, который никогда не прольется. Заяц не испугался, потому что привык к виду этой штуковины в небе, но дрожь, которую он сейчас ощущал, взъерошила мех на его спине. Белый шар все рос и рос, неся с собой шум, похожий на раскаты грома. Через мгновение шар ослепил зайца, нервные клетки послали сигнал опасности в мозг. Зверек метнулся к спасительной обочине, оставляя за собой длинную полосу тени.

Заяц был уже, наверное, в трех футах от спасительных колючих зарослей, когда черный как ночь чоппер¹ «Харлей-Дэвидсон 1200СС», летящий под восемьдесят миль в час, вильнул прямо на него, раздробив позвоночник. Зверек завизжал, крохотное тельце забилося в предсмертных судорогах. Рессоры почти не почувствовали сотрясения от короткого удара, и огромный мотоцикл с ревом понесся дальше на север.

Несколько минут спустя к остывающей заячьей тушке волнообразно подползла гремучая змея.

Укутанный в кокон грохота и ветра мотоциклист, вглядываясь в белый конус света, отбрасываемый мощной передней фарой, едва уловимым движением направил машину к центру дороги. Он вскинул над головой кулак в черной перчатке, машина заурчала, словно сытая пантера, и рванулась вперед, наращивая скорость, пока стрелка спидометра не зависла чуть ниже отметки девяносто. Гонщик ухмыльнулся под защитным стеклом видавшего виды черного защитного шлема. Он был одет в черную облегающую кожаную куртку и потертые джинсы с кожаными вставками на коленях. На спине старой, исцарапанной куртки раздувала капюшон ярко-красная королевская кобра, светящаяся краска на ней шелушилась, словно змея сбрасывала кожу. Машина с ревом мчалась вперед, раздвигая стену тишины и оставляя позади испуганных обитателей пустыни. Слева от дороги показался яркий рекламный щит, весь изрешеченный ржавыми дырами от пуль — синие музыкальные ноты, парящие

¹ Чоппер — тип мотоцикла с удлиненной рамой и передней вилкой.

над двумя опрокинутыми рыжими пивными бутылками. Гонщик бросил на щит быстрый взгляд и прочитал: «НАЛИВАЙКА ПРЯМО ПО КУРСУ», и чуть ниже: «ЗАПРАВЬСЯ, ПРИЯТЕЛЬ!»

«Ага, — подумал он, — самое время заправиться».

Две минуты спустя во тьме слабо замерцали голубые неоновые вспышки. Гонщик начал сбрасывать скорость, стрелка спидометра стремительно опускалась до восьмидесяти, семидесяти, шестидесяти. Впереди, над дверью приземистого деревянного здания с плоской грязно-красной крышей, виднелась вывеска: «НАЛИВАЙКА». Три легковых автомобиля, внедорожник и грузовой пикап с частично облупленной до грунтовки синей краской сгрудились вокруг него, словно усталые осы вокруг улья. Мотоциклист свернул на заросшую перекасти-полем стоянку и выключил двигатель, рев мотора сменил гнусавый голос Фредди Фендера, поющего про «напрасно потраченные дни и ночи». Гонщик выдвинул подножку, и его черный «харлей» чуть подался назад, как притаившийся зверь. Он слез с мотоцикла с напряженными, как струны рояля, мускулами, ощущая меж ног неперпеливые толчки эрекции.

Он расстегнул ремешок и снял шлем, обнажив хищное, резко очерченное лицо, бескровное и белое, как мрамор. В глубоких впадинах глаз виднелись белые зрачки со слабыми красными прожилками. Издали они казались розовыми, кроличьими, но вблизи превращались в змеиные — холодно горящие, немигающие, гипнотизирующие. Желтовато-белые волосы были коротко подстрижены. Синие полосы вен на висках пульсировали, с небольшой задержкой повторяя ритм музыкального автомата. Он пристегнул шлем к рулю и направился к зданию, по пути бросив взгляд на припаркованные автомобили: в кабине грузовика стояла винтовка, к заднему крылу одной из машин была прилеплена наклейка с рокерской «козой», а на зеркале заднего вида внедорожника болталась пара зеленых игральные костей.

Когда он прошел через сетчатую дверь в большую, наполненную табачным дымом и духотой комнату, все шестеро находившихся там — трое за покерным столом, двое играющих в пул в ореоле подвесной лампы и еще один за стойкой — одновременно подняли головы и замерли. Мотоциклист-альбинос по-

очередно встретил взгляд каждого из них, а затем уселся на барный стул, красная кобра на его спине казалась в тусклом свете кричаще-яркой. После нескольких мгновений тишины бильярдный кий щелкнул по шару с резкостью пистолетного выстрела.

— Вот черт! — сказал один из игроков, широкоплечий, в красной клетчатой рубашке и пропыленных левисах, вероятно тысячу раз цеплявшихся за колючую проволоку. — Ну, по крайней мере, я заporол тебе верный шар, так ведь, Мэтти?

— Еще бы! — согласился Мэтти, приблизительно сорокалетний долговязый и неуклюжий мужчина с короткими рыжими волосами под пропотевшей ковбойской шляпой, надвинутой на морщинистый лоб.

Он задумчиво пожевал зубочистку, чуть сдвинулся, чтобы лучше рассмотреть расположение шаров, и снова пожевал, все это время краем глаза наблюдая за белобрысым пижоном.

Бармен, здоровенный мексиканец с татуировкой на плечах и черными глазами под тяжелыми веками, склонился над стойкой, кругами вода мокрой тряпкой.

— Чем-нибудь помочь? — спросил он, посмотрев в лицо альбиносу, и тут же почувствовал себя так, словно ему в спину воткнули нож для колки льда.

Он оглянулся туда, где Слим Хокинс, Бобби Хейзелтон и Рэй Коуп уже третий час сидели за своим обычным пятничным покером. Бобби пихнул Рэя локтем в ребра и ухмыльнулся, косясь в сторону бара.

— Пива, — коротко произнес альбинос.

— Да-да, конечно, сейчас.

Бармен Луис, облегченно вздохнув, отвернулся. Вид у мотоциклиста был странноватый, неприятный, раздражающий. Он не выглядел взрослым мужчиной — лет девятнадцати-двадцати, не больше. Луис взял с полки стеклянную кружку и бутылку «Лоун стар» из тарахтящего под баром холодильника. В музыкальном автомате Долли Партон как раз запела «Гори, детка, гори». Луис пододвинул кружку альбиносу и снова вернулся к выписыванию тряпкой кругов по полированному дереву барной стойки. Он вспотел, словно под жарким полуденным солнцем.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНИ ЖАЖДУТ

<i>Роман</i>	5
Пролог	11
Котел. Пятница, 25 октября	22
Беспокойство. Суббота, 26 октября	60
Ночные странники. Воскресенье, 27 октября	120
Гробокопатель. Понедельник, 28 октября	177
Темный принц. Вторник, 29 октября	245
Дар Грандмастера. Среда, 30 октября	316
Призрачный город. Четверг, 31 октября	423
База. Пятница, 1 ноября	567
Послесловие	598

КРОВЬ ПОБЕДИТ ГОЛЛИВУД

<i>Рассказ</i>	601
----------------------	-----